

ЕСТЬ ЛИ УГРОЗА ОХЛОКРАТИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА?

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Неосознанное поведение толпы,
подменяющее сознательную
деятельность личности, представляет
одну из характеристик нынешнего века.
Г. Лебон

Остается ли в наши дни актуальной проблема, стоящая за понятием охлократии, введенным античными мыслителями? Видимо, да. Об этом свидетельствуют и многочисленные тревожные факты сегодняшних дней, связанные с частым нарушением политической стабильности в разных регионах мира, и складывающиеся отношения власти и интеллектуальной элиты, власти и народа в нашей стране, и вызывающая все большую тревогу криминализация государственных структур, и беспрецедентное снижение интеллектуального потенциала общества, меняющее его культурный облик, и выхолащивание гуманистических смыслов и ценностей из всех сфер общественной и индивидуальной жизни. Все эти явления, вызывая тревогу, притягивают к себе внимание специалистов различного профиля, которые предлагают их осмысление с разных методологических позиций. Думаю, в их контексте концепт охлократии позволит найти новый ракурс рассмотрения названных явлений и стоящих за ними проблем.

1. Понятие охлократии в научном аппарате социального знания

Введенное античными мыслителями понятие «охлократия» достаточно широко использовалось в эпоху Возрождения общественно-политической мыслью Нового времени и было популярно во второй половине XIX века у представителей консервативных течений. В это время существование охлократии, согласно установившейся традиции, связывалось исключительно со спонтанными, разрушительными формами поведения. Но тогда же внимание к ней было вытеснено интересом к феномену масс, актуализированному тотальным включением людей из различных социальных групп в массовые общности и очевидностью влияния этого включения на их собственную жизнь и на ход исторических событий.

Массы стали предметом анализа (сначала и являются до сих пор) преимущественно, социальных психологов и социологов (С. Сигеле, Г. Тард, Г. Лебон, Н.К. Михайловский¹, позже — Р. Райх, Х. Арендт, С. Московичи²), а затем философов (Х. Ортега-и-Гассет, Р. Гвардини)³. В контексте этих исследований возрастающая роль масс рассматривалась как своеобразный знак новой эпохи. «Могущество масс представляет собой единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой все увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс», — считал Лебон⁴; «достаточно одного пера, чтобы привести в движение миллионы языков», — был убежден Тард, сделавший предметом анализа феномен публики, появление которой он связывал с развитием средств массовой коммуникации и общей деноминацией социальных групп; современный мир есть мир массы, которая «подобно лавине затопила всю поверхность истории» (герои исчезли, остался хор), — уверен Х. Ортега-и-Гассет; массы — это не плебс, не люмпены, «это все: вы, я, каждый из нас», — обобщил видение ситуации С. Московичи, предвещая становление «планетарного века толп».

Таким образом, с конца XIX века массы признаются, с одной стороны, независимой реальностью, с другой стороны, специфической формой коллективной жизни. И этим было многое сказано, ибо теперь их можно было описать средствами научного знания, что рождало новое проблемное пространство. Его заполнили исследования, ориентированные на выявление психологических механизмов воздействия масс на поведение, умонастроение и эмоциональное состояние включенного в них человека. В контексте этих исследований было показано, что в качестве коллективной формы жизни массы стирают различия (социальные, культурные, возрастные, гендерные) между людьми. Их основной характеристикой было признано «слияние индивидов в единые разум и чувство». А закон множества, вполне можно именовать «законом посредственности: то, что является общим для всех, измеряется аршином тех, кто обладает меньшим. Короче, в сообществе первые становятся последними»⁵. Общепринятым стало убеждение, что «человек-масса» — это песчинка среди других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром, что он мыслит не категориями, а образами, что он не склонен к критическому мышлению. Масса накрывает его волной социального конформизма, поэтому с того момента, когда люди оказываются включенными в нее, невежда и ученый становятся одинаково неспособными соображать. И тот, и

другой принимают за истину то, что в действительности является общим консенсусом, ибо логика жизни «человека-массы» начинается там, где заканчивается логика индивида. «Исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением и стремлением превратить немедленно в действия внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в массе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует»⁶. Утвердились и более резкие характеристики, сравнивавшие массы с социальным животным, сорвавшимся с цепи, для которого вместе с подчинением рассудку исчезают моральные запреты.

По мере утверждения такого взгляда на жизнь человека в массе, понятие последней вытесняется более адекватным для описания ситуации понятием толпы. Главная характеристика толпы — легкая внушаемость, восприимчивость к влиянию со стороны лидеров, вождей. Этот факт с необходимостью рождает «вождизм». Неважно, что делает того или иного лидера вождем (личная харизма, стечение обстоятельств, насущность решения социальных проблем), важно, что им может стать, как писал Михайловский, и злодей, и «ангел во плоти». Важно и то, что вождь нужен толпе, так как «давая каждому человеку ощущение личной связи, вынуждая его разделять общую идею, одно и то же мировоззрение, лидер предлагает ему» ожидаемую личностную форму общения, а с ней ощущение «непосредственной связи человека с человеком», дает «ответ на вопрос, кто делает так, чтобы жизнь стоила того, чтобы жить»⁷. В условиях всеобщего отчуждения, противостояния человеку всех форм общения в качестве чуждых и навязанных ему извне вождь формирует мощные социальные связи, «замешанные» на ценностных ориентациях. Конечно, последние не только связывают людей общностью интересов и целей, но и культивируют личность вождя, превращая народ в его тень, а его самого в «отца отечества». Этот факт имеет свое немаловажное последствие: утверждается не только единый принцип жизни и мироощущения, но и единый политический принцип — «масса царит, но не правит» (Московичи).

Первой жертвой такого консенсуса между властью и массами становится отказ народа от реального (при сохранении видимости) контроля за действиями и поведением вождя. Это, в свою очередь, оказывается фундаментом реализации его главной цели — восхождения на Олимп власти. Власть же своим главным устрем-

лением имеет деспотический режим. Цезарианский элемент, по справедливой оценке Лебона, входит в ее состав, как водород в состав материи, он есть ее универсальный компонент (сегодня к нему прибавляется финансовый интерес). Единовластие, правда, бывает нужно и истории — вождь способен превратить энергию масс в созидательную силу, ведь, предоставленные самим себе, люди зачастую становятся ее злыми гениями.

Итак, утрата индивидуальности в условиях разворачивающейся массовизации общественной жизни, чреватая угрозой низведения демократических принципов до эпифеномена демократии, становится главной чертой реальности — вот вывод, объединивший всех исследователей «феномена масс». В адекватном истолковании этого факта стали видеть ключ к пониманию современности, главных тенденций ее возможного развития. Такая позиция стала находить отражение при построении различных моделей настоящего и будущего, а связанный с ней вектор исследований остается и в наши дни преобладающим, хотя не единственным⁸.

В итоге понятие охлократии фактически исчезло из обихода отечественного научного сообщества. Отражением этой ситуации, видимо, можно считать тот факт, что оно выпало из многих энциклопедических словарей последнего издания. Так, его нет ни в первом издании «Философской энциклопедии» (1967), ни в «Философском энциклопедическом словаре» (1983), ни в энциклопедическом словаре «Античная философия» (2008), хотя в аннотации последнего отмечается, что в нем представлена проблематика античной философской мысли во всем разнообразии школ, направлений и персоналий. Иногда это понятие вводится с короткой ссылкой на Античность: «Охлократия — в древнегреческих учениях о государстве (Платон, Аристотель) — господство толпы»⁹. Аналогичное определение дается в «Краткой философской энциклопедии»: «Охлократия — господство массы, плебса, согласно Аристотелю, охлократия является формой вырождения демократии»¹⁰. Исключениями можно считать характеристику охлократии В. Водовозовым, хотя она по времени намного отстоит от наших дней¹¹, а также статьи Э.Г. Соловьева в «Новой философской энциклопедии» (2010) и Ж.Т. Тощенко в «Социологической энциклопедии» (2003). Интерес к охлократии как специфическому виду политической власти выявился в связи с распадом СССР, приведшим к политической дестабилизации в стране и на всем постсоветском пространстве¹². Как справедливо отмечает Ж.Т. Тощенко, в условиях, когда общество на волне

ускоренных демократических процессов, не всегда сопровождающихся продуманностью действий их инициаторов, сталкивалось с низкой политической культурой их участников, охлократия стала символизировать состояние политической жизни, фиксирующее неверие людей в способность власти справиться с социальными и экономическими проблемами. В качестве определяющих показателей возникшей ситуации рассматривались потеря государственной властью авторитета на фоне набирающих обороты популистских форм поведения ее представителей, утрата ею контроля над криминальными структурами и финансовыми группировками, ускорение центробежных сил, превращающих регионы в «удельные княжества» и т.п. Правда, интерес к названным явлениям далеко не всегда сопровождался обращением к понятию охлократии. Последнее (скорее уже как термин) стало достоянием политической публицистики, где оказалось синонимом стратегии авантюристически настроенных социальных слоев, провоцирующих массы на экстремистские выступления.

Таким образом, не будет большим преувеличением сказать, что в аппарате современного гуманитарного знания понятию охлократии пока не нашлось должного места. Это вряд ли можно считать оправданным. Во-первых, потому, что утвердившееся в литературе понятие массовизации не отражает всех тенденций (политических, экономических, социальных, культурных) сегодняшнего общественного развития, порой более тревожных, чем они представляются, исходя из концепции «массового общества»; во-вторых, в связи с тем, что в рамках последней за скобками остаются разнообразные культурные и социально-экономические механизмы взаимодействия сегодняшних масс и власти; в-третьих, по той причине, что в контексте названной концепции не фиксируются в качестве следствия «омассовления» многочисленные проявления охлократического сознания, например, склонность к обвинению в своих социальных бедах другого народа, пренебрежение устоявшимися нравственными нормами, агрессивное неприятие культурных ценностей прошлого, терпимость к собственному невежеству. И наконец, еще один довод: традиционная интерпретация понятия охлократии нуждается в корректировке, учитывающей нынешние социально-культурные и политические реалии, очевидно изменившие его содержание.

Названные моменты, представляется, позволяют говорить о целесообразности включения понятия «охлократия» в научный аппарат прежде всего социально-философского знания. С пози-

ций последнего стоящее за ним явление может быть рассмотрено и понято в контексте формирования такого типа социальности, сущностной характеристикой которого является девальвация исторически сложившихся культурно-гуманистических и демократических критериев общежития, сопровождающаяся снижением интеллектуального потенциала общества и утверждением посредственности в качестве востребованного, т.е. претендующего на господство, культурного типа. Последний момент я хотела бы подчеркнуть особо: речь идет, с одной стороны, об объективности процессов, формирующих этот культурный тип, а с другой стороны, о принятии его властью, гражданским обществом и самим человеком. Представляется, что при такой интерпретации понятие охлократии может «сосуществовать» с категорией «массовое общество», не угрожая социальному знанию «терминологическим удвоением», поскольку за двумя этими понятиями будут стоять различные, хотя и сопрягаемые, процессы, сосуществующие, когда параллельно, когда во взаимосвязи, а когда и находящиеся в причинно-следственной зависимости. Цель предлагаемого рассмотрения проблемы — признать этот факт. Конечно, одно признание еще никак не решает дела, но оно, как минимум, активизирует исследовательский интерес к нему.

2. Современные социальные смыслы охлократии

Сформулированная выше проблема предполагает, что предметом анализа должны стать те тенденции общественного развития, которые, формируя сегодняшний образ жизни, порождают разнообразные проявления охлократического сознания и соотносящееся с ним поведение масс, выражающее их отношение к существующим институтам власти.

Давно замечено: «Какова жизнедеятельность индивидов — таковы и они сами», а жизнедеятельность индивидов всегда «совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят»¹³. Следовательно, суть дела в том, чтобы понять своеобразие этих «что» и «как» в их соотносительности с названными выше проявлениями процесса охлократизации. Такая постановка проблемы заставляет нас обратиться прежде всего к материально-технической базе производства, которое, напомним, всегда реализуется в единстве производства материальных благ (в том числе разного рода услуг), духовного производства и «производства человека», конечным результатом которого по этой причине является «само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях» (Маркс).

Материально-технической базой сегодняшнего производства остаются технологии, порожденные процессом индустриализации, с одной стороны, утвердившей общие нормативы для производимой продукции, т.е. поставившей производство благ «на поток», с другой стороны, расчленившей трудовой процесс на стандартные операции, сделав *социальной нормой* взаимозаменяемость их исполнителей. Унифицированное производство (предложение) утверждает стандарты потребления (спроса), что в свою очередь, порождает унифицированные вкусы, предпочтения, а все вместе — массовую культуру. Иными словами, главными факторами, формирующими образ жизни индустриального общества, являются углубляющееся разделение труда и деперсонализация человека в трудовой деятельности. Именно они суть первопричина нового типа общности — *массы*, как носителя *массового сознания*. Разумеется, массы существовали на протяжении всей истории человечества, но с индустриальным обществом связано их новое бытие и новые социальные характеристики. Б.А. Грушин в своей работе «Массовое сознание», определяя суть последних, выделял два момента. *Первый*: «Всякая масса, будучи реальной, естественной *общностью*, а не просто *множеством* индивидов... предполагает, что входящие в нее индивиды, объединены каким-то действительным (пусть хотя бы кратковременным) социальным процессом, осуществляют ту или иную общую деятельность, демонстрируют то или иное совместное поведение; более того — сам феномен массы не возникает, если подобная общая совместная деятельность или подобное поведение отсутствуют»¹⁴. *Второй*: «Важнейшая специфика масс как порождения проникающих *во все сферы жизни общества* процессов массовизации заключается, помимо прочего, в том, что они могут возникать и практически возникают на всех без исключения уровнях социальной иерархии»¹⁵.

В этом качестве массы порождают особый тип сознания — *массовое сознание*, которое, став определяющим моментом их образа жизни, «теснейшим образом вплетено в решение многих социально-экономических и общественно-политических задач национального и глобального масштаба»¹⁶. Его главной чертой является отражение множественности отношений и социальных контактов, в которые вступает человек при атрофировании личностных, индивидуальных характеристик внутри этих связей, и расположенность к внушению со стороны признаваемых авторитетов. (Насколько эти признаки характерны для всякой массы — это, как справедливо подчеркивал Грушин, другой вопрос.) Эти два момента «в свернутом виде» со-

держат в себе наиболее существенные признаки явления охлократизации, объясняя смысл рождаемой ею ситуации, о которой как о знаке новой эпохи, говорил еще В.В. Зеньковский, характеризуя ее так: «...с одной стороны, расширяется круг потребностей, но, с другой стороны, одновременно удовлетворение их становится несоразмерно затруднительным вследствие *понижения личности* (курсив мой. — И.С.). В человеке будится страшная жажда, но вместе с тем отнимается сила доползти до ручья»¹⁷. «Понижение личности» — это, в переводе на современную терминологию, снижение ее интеллектуального и культурного потенциала, способности к творчеству и стремлений к саморазвитию. Сегодня в нашей стране он катастрофически снизился. «Если в общей оценке сложившегося в стране положения попытаться отвлечься от того, что говорится под влиянием политических пристрастий или диктуется идеологическими предпочтениями, — отмечает Б.Г. Юдин, — то можно будет констатировать наличие угрожающе высокого уровня риска, которому подвергается сегодня человеческий потенциал страны»¹⁸. Ситуация не только не меняется в положительном направлении, но обостряется с каждым годом, на что есть, как говорится, материалистическое объяснение: рост человеческого потенциала, к несчастью, до самого последнего времени не входил в число приоритетов государственной политики. Наметившиеся тенденции в последней позволяют надеяться на лучшее, но не в ближайшее время: восстановление утраченных позиций — растянутый во времени процесс. Можно строить разные предположения по поводу государственной политики в сложившейся ситуации, но ее итог пока неутешителен: ситуация с наукой и образованием сегодня такова, что иначе, как свидетельством беспрецедентной для нашей истории *сознательной деинтеллектуализации общества*, ее назвать трудно. Приходится признать, как это ни печально, что разговоры политиков о вхождении страны в «общество знаний» мотивированы не в последнюю очередь просто желанием «сохранить лицо» для мировой общественности. Ведь сущностной характеристикой «общества знаний» является превращение научного знания в *модус его существования*¹⁹, но этого никак нельзя сказать о нашем обществе. Да и по количественным характеристикам мы далеки от такого состояния: в 2007 году страна занимала 47-е место в рейтинге по индексу экономики знаний с приростом на 8 пунктов с 1995 года²⁰.

В контексте проблемы «Современные социальные смыслы охлократии» важно отметить отражение в массовом сознании таких специфических черт социального бытия, как бюрократиза-

ция институтов управления, коммерциализация всех сфер общественной жизнедеятельности, масштабная миграция населения, усиление влияния СМИ, ускорение ритма городской жизни и т.д. Эти социальные «циклотроны» (Грушин) низводят жизнь людей до уровня анонимной модели. Стандартизация и утилитаризм, начавшиеся в сфере производства и потребления, захватывают все сферы общественной жизни — управление, науку, образование, здравоохранение, сферу общения между людьми, досуг и даже семейные отношения. Основанное на унифицированных технологиях и законе прибыли производство, как огромный станок, повсеместно штампует свои стандарты жизни, возводя в ее основание заложенный в технологическом и социальном способе производства *принцип взаимозаменяемости и функциональности*. Теперь разнообразные свойства человека «обкатываются и обтачиваются» уже не с одной, а с многих сторон, подводя все составляющие его сознания под один знаменатель — способность и готовность быть «частью целого», жить по его регламенту.

Мощным катализатором этого процесса являются современные средства информации — печать, радио, кинематограф, телевидение, Интернет, которые с небывалой активностью начинают выполнять функцию манипулирования индивидуальными вкусами, наклонностями, потребностями в интересах государства, церкви, политических партий. (Так, в организации массовых выступлений в Каире, на площади Тахрир этого года, как известно, сыграли свою роль, кроме прочего, и социальные сети интернета (facebook), эти же возможности были реализованы и организаторами событий на Манежной площади.) Не зная в принципе никаких границ своего действия, сегодняшние СМИ находят человека, где бы он ни был, делая его доступным для коллективного внушения все 24 часа в сутки. Средства массовой информации и массовой культуры приобретают значение действенного фактора социального управления. В этих условиях меняются характеристики не только масс, но и власти: при выработке своих решений она так или иначе на какое-то время подстраивается под них, прибегая для этого к популистской риторике, демагогическим, а иногда и просто авантюристическим, заявлениям. (Вспомним программы лозунги наших политических лидеров 90-х годов, предлагавших создание рыночной экономики за 300, 500 дней и т.п.) Когда же проходит время «массовок» власть с удвоенной силой укрепляет свои позиции. (Радуюсь своей победе, танцующая толпа на площади Тахрир довольно спокойно встретила отмену новым

правительством конституции.) И это есть обязательное следствие «раскрепощенных» охлократических настроений.

Значимым фактором, влияющим на формирование массового сознания становится численный рост маргинальных слоев населения, ставших жертвой модернизационных процессов, локальных войн, стихийных бедствий, экономических кризисов. Эти люди, потерявшие контакт со своим сообществом, вырванные из своего культурного пространства, являются потенциальными носителями охлократического сознания с его «откликаемостью» на призывы к асоциальным действиям, начиная с участия в уличных беспорядках и кончая поддержкой международных преступных групп. Даже в случае принятия традиций и культуры принявшей их страны они уже вследствие своей многочисленности начинают влиять на стиль жизни, культурные предпочтения, нравственные нормы, уровень интеллектуальности общества, а иногда даже грозят экологической катастрофой, подобно той, о которой с тревогой возвестило на весь мир правительство Италии, оказавшееся перед фактом массового «исхода» беженцев из Туниса. (Наверное, Лебон был в чем-то прав, когда предупреждал, что массовая миграция может привести к упадку европейской цивилизации.) Такие ситуации провоцируют активизацию охлократического сознания и у коренного населения страны.

Итак, охлократия как господство толпы (управляемой или стихийно организовавшейся), готовой к асоциальным действиям, и сегодня имеет объективные основания для своего утверждения. Важно вовремя их увидеть, потому что последние появляются, когда такой толпы еще и нет, а есть массы, безразличные к существующему порядку, склонные пассивно принимать его и диктуемый им образ жизни — массы, не имеющие культурной прививки против ханжества, невежества, против лицемерия и демагогии власти. Именно они, «проснувшись» в какой-то момент, способны начать крушить все и вся. Угроза охлократии, иными словами, зарождается тогда, когда лицом массы становится мещанская посредственность.

Что формирует посредственность? Таких факторов много, о них уже говорилось выше. Но если иметь в виду нашу страну, то первое место среди них, думаю, займет снижение уровня образования молодого поколения. В стране 36,5% трудового населения не имеет никакой профессиональной подготовки, при этом продолжающийся численный рост в этой статистической группе закрепился именно за молодежью²¹. И это вполне объяснимо: высокий уровень образования, к сожалению, пока не гарантирует работу, обеспе-

чивающую скорое достижение материального благополучия, для некоторых возрастных групп наблюдается даже обратная зависимость: при более высоком образовании материальное благополучие оказывается ниже. Поэтому понятна и сложившаяся за прошедшее двадцатилетие познавательная ориентация вступающих в трудовую жизнь молодых людей: большая часть их предпочитает работать менеджерами, в рекламном бизнесе, служащими банков, клерками, т.е. внутри профессий, карьерное продвижение в которых, фиксируемое зарплатой, подкрепляется превышающей ее суммой «в конверте», не связанной напрямую с уровнем образованности ее получателя. Необходимо, наконец, осознать все возможные последствия сложившейся ситуации — и не только в связи с задачами инновационного развития, решение которых требует подготовки специалистов соответствующего профиля (физиков, биологов, химиков, операторов современной техники), не только в связи с перспективами культурного развития общества, но и с точки зрения обеспечения национальной безопасности страны. Замечу, что такая постановка вопроса не является чем-то беспрецедентным в мировой практике, достаточно обратиться к формулировке принятых в разное время американских федеральных законов: «Об образовании в целях национальной обороны», «Об образовании в целях укрепления экономической безопасности», «О национальных целях образования»²². Именно такой установкой объясняется отношение США к привлечению и использованию специалистов всего мира, отношение к образованию как к потенциальной экспортной составляющей. (В США проходят обучение 500 тысяч иностранных студентов, это приносит ежегодный доход в 10 миллиардов долларов, Россия получает от экспорта образования в 35 раз меньше²³.)

Решение проблемы во многом связано с изменением вектора финансовой политики государства. Сегодня финансирование образовательной системы (3,4% ВВП) продолжает осуществляться практически по старому, т.е. «остаточному», принципу, и это на фоне крайне низкого уровня жизни подавляющей части населения, что породило, говоря словами одного из исследователей проблемы, позорное для страны явление *образовательного апартеида*. Молодежь с периферии в своем большинстве фактически лишена возможности поступления в вуз в том числе (а иногда и в первую очередь) по причине низкого дохода семьи. Как показывают данные социологических исследований, низкий уровень достатка является главным фактором, тормозящим вертикальную социальную мо-

бильность по уровню образования²⁴. На фоне коммерциализации высшего образования произошли существенные изменения и в содержании образовательного процесса: идет сокращение базовых курсов по всем специализациям, минимизируется объем гуманитарных дисциплин. Неоправданно растет число студентов, получающих образование в заочной и вечерней формах — в настоящее время их численность составляет почти половину всех российских студентов, а также через частные образовательные структуры (их у нас больше, чем где-либо в Европе). Это приводит к тому, что в высшие учебные заведения допускаются абитуриенты независимо от их интеллектуального уровня и багажа знаний. Но главное в том, что система высшего образования перестала отвечать своему назначению: быть институтом сохранения культурных достижений человечества, институтом культурной преемственности в историческом движении общества. Развитие ситуации в этом направлении ведет к *утрате исторически утвердившихся духовных смыслов и ценностных ориентаций, определяющих национально-культурные особенности страны, к появлению поколения с пониженным иммунитетом против невежества*. Но, ведь именно такая людская масса, как свидетельствует исторический и сегодняшний мировой опыт, всколыхнувшись, становится плохо управляемой разрушительной силой, т.е. *толпой*, против которой у власти всегда только одно средство — установление жесткого режима, сужение сферы действия демократических принципов жизни. Вот почему сегодняшнюю ситуацию в сфере высшего образования (и не в меньшей степени в системе школьного обучения), в сфере культуры в целом следует оценивать как *сопутствующую охлократизации нашего общества*. Выше отмечалось, что можно говорить о разных составляющих этого процесса: технологической, экономической, социальной, культурной, политической. Их анализ заставляет признать объективность связанных с ним трансформаций, происходящих в массовом сознании и в характере взаимоотношений масс с властью. Поэтому в какой бы парадигме ни оценивать этот процесс, нельзя не признать объективность факторов, его инициирующих.

И еще одно замечание к сказанному. История никогда не бросает раз найденных ею общественных форм. Конечно, они трансформируются, наполняются новым политическим и культурным содержанием, но они не исчезают бесследно с исторического пространства. Их возвращение может быть первоначально незамеченным просто потому, что они изменили свой облик. Такое произошло, на мой взгляд, и с явлением охлократии: она *мути-*

рова. Однако ее возвращение, реанимированное современными реалиями, таит старые угрозы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такой анализ был предпринят в работах: *Сигеле С.* Преступная толпа (1892). – М., 2011; *Тард Г.* Законы подражания (1890). – СПб., 1892; *Лебон Г.* Психология народов и масс (1895). – СПб., 1996; *Михайловский Н.К.* Герои и толпа (1882) // *Михайловский Н.К.* Избранные труды по социологии. В 2 т. Т. 2. – СПб., 1998. После этой работы Михайловский опубликует еще четыре статьи по этой же теме (последнюю в 1893 г.), которые как единый цикл войдут в посмертное издание сочинений автора 1906 года. Обращаю внимание читателя на то, что первая статья Михайловского выйдет за несколько лет до работ французских исследователей, его будут интересовать прежде всего социальные механизмы образования масс (толп) (см. об этом: *Белинская Е.П.* Концепция «героев и толпы» Н.К. Михайловского и «психология масс» Г. Лебона: перекличка идей // *Современная социальная психология. Теоретические подходы и прикладные исследования.* 2010. № 3 (8).

² См.: *Райх В.* Психология масс и фашизм (1933). – СПб., 1997; *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс (1981). – М., 1996.

³ См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс (1929). – М., 2008; *Гвардини Р.* Конец Нового времени (1954) // *Феноменология человека. Антология.* – М., 1993. Отечественная философско-социологическая мысль советского периода обратится к этой теме в связи с вниманием к проблеме массового сознания (см., например: *Ашин Г.К.* Доктрина «массового общества». – М., 1971; *Овчинников Г.К.* Массовое сознание как объект социологического анализа. – М., 1974; *Андреева Г.М.* Социальная психология. – М., 1980; *Грушин Б.А.* Массовое сознание. – М., 1987; *Хевеши М.А.* Толпа. Массы. Политика. Историко-философский очерк. – М., 2001 и др.

⁴ *Лебон Г.* Психология масс. – СПб., 1995. – С. 162.

⁵ *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – С. 39. В этой связи Московичи приводит утверждение Солона: один отдельно взятый афинянин – это хитрая лисица, но когда афиняне собираются на народные собрания, уже имеешь дело со стадом баранов (там же).

⁶ *Лебон Г.* Психология масс. – С. 163.

⁷ *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – С. 29, 28.

⁸ Иная позиция связана с исследованиями Э. Тоффлера, считающего, что человечество с выходом за пределы индустриального общества становится в социально-культурном отношении более разнообразным, чем было ранее. Именно этим наступающая цивилизация бросает вызов утвердившемуся господству стереотипов массового сознания.

⁹ Большой энциклопедический словарь. – М., 1997. – С. 863.

¹⁰ Краткая философская энциклопедия. – М., 1994. – С. 327.

¹¹ См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и А. Ефрона. Т. 43. – СПб., 1897. – С. 495.

¹² См.: Шнак Л.Л. Власть толпы. – М., 1993; Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. – М., 1999; Тоценко Ж.Т. Три особенных лика власти. – М., 2003.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. – С. 264.

¹⁴ Грушин Б.А. Массовое сознание. – М., 1987. – С. 15.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. – М., 1997. – С. 154.

¹⁸ Юдин Б.Г. Интеллектуальный потенциал личности // Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерение. – М., 2002. – С. 16.

¹⁹ См.: Человеческий потенциал России. – М., 2002. – С. 34.

²⁰ Стратегия России: общество знания или новое средневековье? – М., 2008. – С. 101.

²¹ См.: Россия в Европе. По материалам международного проекта «Европейское социальное исследование». – М., 2009. – С. 68.

²² См.: Якунин В.Я., Багдасарян В.Э., Сулашкин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. – М., 2009. – С. 251.

²³ См. там же. – С. 267. В США каждый третий доктор наук, работающий в промышленности, родился и вырос за пределами США (см. там же).

²⁴ См.: Регионы в России: социокультурные портреты в общеевропейском контексте. – М., 2009. – С. 714.

Аннотация

В статье рассматривается круг вопросов, связанных с угрозой охлократии, которую автор связывает с девальвацией культурно-гуманистических и демократических критериев общежития, сопровождающейся снижением интеллектуального потенциала общества и утверждением посредственности в качестве востребованного культурного типа. В данном ключе анализируется ситуация, характеризующая социокультурное состояние российского общества.

Ключевые слова:

охлократия, массы, толпа, власть, индустриальное общество, массовая культура, массовое сознание, СМИ, человеческий потенциал, гуманистические ценности, наука, образование, экономика знаний.

Summary

The article considers the range of issues related to the threat of ochlocracy, which the author relates to the devaluation of the cultural, humanistic and democratic criteria of the hostel, accompanied by clueless mediocrity as the ruling and demanded cultural type. In this vein analysis of the situation characterizes the sociocultural condition of contemporary Russian society.

Keywords:

ochlocracy, crowd, power, industrial society, mass, mass consciousness, mass culture, mass media, human potential, human values, science, education, knowledge economy.